

Тем, кто разыскивает пропавших

И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла.

Бытие, 2:9

Пронизанное тайной

Сентябрь 1994 года

Сумерки на пятьдесят первой параллели наступают медленно, хотя уже и небо окрасилось в глубокий индиго, и крохотные белые звезды прокололи его плотный полог, дрожа в вышине, как золотая пыль. Похолодало — в конце сентября здесь уже чувствовалось ледяное дыхание близкой зимы. Клубящаяся, какая-то призрачная водяная дымка висела над белым пенным потоком оглушительно грохочущего водопада Планж. Вечерний туман окутывал лес плотным одеялом, играя в пикабу с зубренными вершинами окрестных гор.

Осторожно ступая по скользким камням вдоль Наамиш с ее коварными водоворотами, таившимися под обманчивой зеленоватой гладью, женщина остановилась, засмотревшись на тучу мошек, которые уже начали носиться над непрерывно меняющейся поверхностью воды. Царивший вокруг необыкновенный покой казался физически осязательным, как легкое одеяло, брошенное на плечи. Охваченная азартом, женщина присела на корточки и достала из нагрудного кармана жилета коробку для мушек размером с бумажник. Открывая серебристую коробочку, она прислушивалась к грохоту водопада ниже по течению. Порыв ветра вдруг пронесся над лесом, и деревья на высоком берегу глухо зашумели. Выбрав крохотную сухую мушку, неотличимую от тех, которые толклись

над водой, женщина, зажав ее передними зубами, вытянула шнур с катушки, наматывая на кулак, и ловко и быстро привязала наживку к типету подлеск. Металлический крючок скрыт яркими перышками, чтобы обмануть форель и заставить ее думать — перед ней лакомый кусочек... Губы женщины изогнулись в улыбке.

Поднявшись на ноги, она начала забрасывать удочку. Почти балетная последовательность широких замахов — разлетающиеся от шнура мелкие брызги сверкали в холодном воздухе, как драгоценные камни. Женщина с удовлетворением увидела, что мушка уселась на самом краю спокойного омута — ровно хонько там, где течение начинало рябить поверхность и где, как она видела, ходила рыба.

Но едва мушка медленно поплыла по течению, женщина почувствовала на себе чужой пристальный взгляд. Кто-то следил за ней из леса. Пульс участился, слух обострился до предела.

Медведь?

Волк?

Пума?

Женщина вдруг поняла, что не слышит остальных, оставшихся в лагере рядом с вытянутыми на берег лодками. Они сидят у костра, потягивая напитки в ожидании, пока проводники приготовят ужин и можно будет смеяться, наслаждаться едой и травить охотничьи байки до самой ночи. А ей не терпелось хоть пару раз забросить удочку, прежде чем окончательно стемнеет: ведь завтра последний день. Это ее недостаток — вечно хотеть еще разок, не уметь остановиться. Видимо, на этот раз она зря поддалась искушению... Осторожно сглотив, женщина незаметно поглядела в сторону обрывистого берега. В тени, уже стусившейся в лесу, стеной начинавшемуся на краю обрыва, не было заметно никакого движения, однако

женщина явственно ощущала чужое присутствие — недоброе, выжидающее. Кто-то охотился на нее, оценивал как потенциальную добычу, совсем как она сама ловит форель, а форель — мух. Нервы натянулись как струны. Напрягая зрение, она силилась что-нибудь заметить, когда сверху вдруг сорвался камень, вызвав небольшой камнепад. Другие камни покатались по склону, с плеском падая в воду. Страх цепенил сердце, кровь ритмично и больно стучала в ушах, и неожиданно она различила в сумерках человеческий силуэт, отделившийся от леса и двинувшийся вперед. Отчетливо виднелась красная вязаная шапка.

Женщина испытала невероятное облегчение.

— Эй! — крикнула она, помахав.

Но незваный гость, не отвечая, шел прямо к ней, держа в руке что-то тяжелое. Палку или металлический прут? Размеры и увесистость как у бейсбольной биты. Женщине снова стало не по себе. Она невольно отступила назад, к кромке воды. Сапоги скользили на осклизлых камнях, несмотря на рифленые подошвы. Женщина покачнулась, но удержалась на ногах и нервно засмеялась.

— Нельзя же так пугать, — упрекнула она. — Я уже заканчиваю, и...

Удар последовал сразу. Она отпрянула, уклоняясь от замаха, и окончательно потеряла равновесие. Удилище подлетело в воздух. Женщина с размаху упала в реку, подняв тучу брызг.

Шок от ледяной воды оказался таким, что у нее перехватило дыхание. Вода хлынула в непромокаемый рыбацкий полукомбинезон, как свинцом залила резиновые сапоги, пропитала жилет с карманами, свитер, термобелье — все это, мгновенно отяжелев, потянуло ее на дно. Она билась в воде, стараясь держать голову повыше и хватаясь за скользкие камни, но течение оказалось сильнее.

Очень быстро ее вынесло на середину реки, неудержимо стремившейся к грохочущему впереди отвесному водопаду, над которым днем и ночью висит водяная пыль. Женщина пыталась брыкаться, грести руками, как-то свернуть к берегу, но своевольная Наамиш задумала иное: с нечеловеческой радостью и невероятной силой река то бросала новую игрушку в стороны, то затягивала ко дну, где крутились мутные водовороты. Когда легкие несчастной уже горели огнем, течение, будто издеваясь, выкинуло ее на поверхность.

— Помогите! — закричала она, отплеываясь, когда голова показалась над водой, и высоко выбросила руку из белой пены, показывая, где она. — Помогите! — снова крикнула она, захлебываясь и давясь.

Секунды две, пока течением ее снова не затянуло под воду, она видела, как стремительно уменьшается фигура на берегу — бледное лицо под красной вязаной шапкой, с черными провалами глаз. А за ней целая армия исполинских елей выстроилась на краю обрыва, и заостренные верхушки, как боевые копья, пронзали туман.

«За что?» — ошеломленно думала женщина. Творилась какая-то бессмыслица.

Наамиш снова потянула ее ко дну, с силой ударив о подводный валун. Боль пронзила левое плечо. Утопающая понимала — скоро начнется гипотермия, голова совсем перестанет работать, затем перестанут подчиняться руки и ноги и она захлебнется. Бешено и неуклюже она боролась с течением: нужно остановиться, прежде чем она попадет в водопад. Но окоченевшие руки свело в неподвижные крючья, а комбинезон и сапоги тянули вниз, словно какое-то чудовище тащило ее за ноги на дно, в свое логово, в водную могилу.

Вода яростно крутила ее и била о камни, и рыбачка перестала понимать, где верх, а где низ, в какую

сторону рвануться, чтобы глотнуть воздуха. Она уже начала терять сознание, когда Наамиш снова выбросила свою игрушку на поверхность и занесла в маленькую заводь. Вытянув шею, женщина судорожно хватала ртом воздух. Глотнув воды, она закашлялась, чувствуя, как течением ее вновь затягивает на дно, и инстинктивно схватилась за упавшее дерево, не до конца отломившееся от своего пня на берегу. Вот когда пригодились потерявшие чувствительность руки-крючья!

Держись. Держись, черт побери!.. Главное, держись.

Сердце кувалдой колотилось о ребра. Впившись ногтями в размокшую кору, женщина почувствовала, что зацепилась за сучья, как прибитый течением мусор. Две ветки потоньше сломались, пальцы провалились в труху прогнившего ствола. Наамиш нетерпеливо тянула и дергала за наполненный водой комбинезон.

Надо было надеть спасательный жилет... А он помог бы?

Женщине удалось втянуть воздух, затем сделать еще вздох. Отчего-то ей показалось, что две звезды на темно-синем небе удивительно яркие, совсем как сигнальные ракеты. Наверное, это планеты. Юпитер или Венера, женщина не знала, но в ней рождалось ощущение Вселенной и своего крошечного в ней места. В ней шевельнулась надежда.

«Звездочка яркая, звездочка ясная, первая звездочка на небе вечернем...» Именно в такие вечера, когда она в детстве сидела у костра с папой и он учил ее ловить форель на муху, и началось ее путешествие длиною в жизнь, которое, скорее всего, окончится в этой реке. «Жизнь как река — такая же стихия, не знающая логики. Единственная константа — это постоянная изменчивость».

Женщина сделала еще вздох и отважилась перехватить руками бревно. Дюйм за дюймом она подбиралась к берегу.

Со временем начало твориться нечто странное — оно растягивалось, замедлялось. Однажды с ней такое уже было — при лобовом столкновении на обледенелой дороге. В состоянии крайнего стресса, когда шансы выжить невелики, человек видит все как в замедленной съемке, тогда как в действительности все происходит за доли секунды. Переставляя одну законченную руку-клевню перед другой, она спустя целую вечность добралась до кромки воды и схватилась за ветки безлистого кустарника — берег в этом месте был очень высоким и крутым. Некоторое время женщина лежала без сил, тяжело дыша, наполовину в воде, прижавшись щекой к склизкому зеленому мху и черной жирной земле. Пахло компостом и грибами, как от садового пруда с карпами.

В ее сознание пробился новый звук — карканье ворона. Должно быть, птица прямо над ней, в кронах прибрежных деревьев, иначе ее не расслышать сквозь грохот Планжа. Вороны — падальщики. Умные птицы. Знают, где пожить. Сперва он выключает ей глаза, затем начнет отрывать самые мягкие куски плоти... Мир вокруг начал меркнуть.

«Нет. Нет! Только обмороков не хватало. Сознание необходимо, чтобы дать телу приказ продолжать жить».

С усилием дыша, она лежала на влажной мульче из почвы, мха и прелой листвы, стараясь осмыслить последовательность событий, которые привели ее в реку. Снова напозла чернота, и на этот раз она была почти желанной. Женщину посетило искушение покориться и провалиться во мрак, но непонятная искра на краю сознания упорно не гасла. Она светилась, тлела, как конец раскаленного прута. И вдруг ее будто

встрянуло, когда прут превратился в пусковой провод, заставивший заново забиться ее сердце.

«Ты! Я вспомнила о Тебе, и меня охватил страх за Тебя, о котором я ни разу не думала всерьез».

Глаза широко открылись, дыхание участилось. Адреналин пошел в кровь.

«Теперь, когда смерть подошла совсем близко, я понимаю, что ошибалась: Ты — это мое все».

Что говорят о людях, которые чудом выжили там, где остальные погибали? О мужчине, который отпилил себе руку, чтобы выбраться из горной расщелины? О девушке, которая после крушения самолета спустилась по заснеженной горе, будучи в одной мини-юбке, даже без трусиков? О девочке-подростке, которая несколько месяцев прожила, трясясь от лихорадки и страдая от укусов насекомых, в джунглях Амазонки, выпав из развалившегося в воздухе коммерческого самолета и спланировав в пассажирском кресле, как семечко с парашютом? О мужчине, который несколько месяцев дрейфовал на плоту в океане? У каждого из них была причина жить: они перевозмогали себя ради кого-то. Ради любимых. Эта мысль придавала им сил победить смерть и вернуться домой. «Я должна справиться ради Тебя. Я должна жить ради Тебя. Это все меняет. Я не могу Тебя подвести, ведь я — все, что у Тебя есть».

Медленно нашарив перепутанные корни, она дюйм за дюймом подтянулась на берег. Задержав дыхание, она напрягла все силы, чтобы схватиться за узловатый ком корней повыше. Тело пронзала боль, но женщина только радовалась: болит — значит, жива. Она боролась со смертью, зная, что один промах, одно неверное движение — и она снова скатится по скользкому берегу в реку. А рядом уже водопад.

Вот и край обрывистого берега. Остановившись, она отдышалась и собралась с силами, давась подступающей рвотой. Сверху надвинулся туман, плотный

от влаги и сгустившейся темноты, и в нем женщина вновь почувствовала чье-то присутствие. В душе шевельнулось странное сочетание надежды и ужаса. Очень медленно, страшась того, что она увидит, женщина подняла голову — и сердце у нее замерло.

Темный силуэт между деревьев. Неподвижный. Безмолвный. Наблюдающий из темноты за ее отчаянными усилиями.

Или ей показалось? Зашумел ветер, ветки изогнулись, и силуэт двинулся. Идет к ней? Или это просто тени танцуют от ветра?

С трудом отпустив пригоршню травы, рискуя съесть в реку, женщина вытянула руку к приближающейся фигуре.

— Помогите... — прошептала она.

Неизвестный остановился.

— Помогите, пожалуйста. — Она подняла руку выше, едва балансируя на склоне.

Ответа по-прежнему не было.

Она замерла в недоумении и вдруг поняла очевидное. Прозрение стало тяжким ударом. Когда она поняла, что происходит, всякая надежда пропала. Из нее будто вытекли последние капли силы. Вытянутая рука нарушила баланс, и женщина заскользила к воде. Сила тяжести словно пришла в восторг, вновь отвоевав свою добычу, и потащила ее где ползком, а где и кубарем, к реке. С громким всплеском рыбка вновь упала в воду, и течение немедленно подхватило ее, будто обрадовавшись. Человеческая фигура неподвижно стояла на краю обрыва среди деревьев. Последняя мысль вспыхнула в угасавшем сознании, когда женщину потянуло ко дну: «Такие страдания, и чтобы за это никто не ответил? Невозможно! Но кто же ответит, если я утону? Как Ты добьешься справедливости? Откуда люди узнают правду? Ведь мертвые не могут говорить...»

Глава 1

*Воскресенье, 28 октября
Двадцать четыре года спустя*

Шестидесятипятилетний Бадж Харгривс заметил лисички сразу, едва войдя в рощу: перевернутые золотистые конусы пробились через ковер сосновых игл и молодых побегов. Крошки жирной черной земли на шляпках казались следами шоколадного пирога, которые забыли стереть с губ.

Его охватил азарт грибника. Вот удача! Он успеет собрать эту красоту прежде, чем опустятся сумерки. Он перелез через поросшее мхом бревно толщиной с него самого, вздрогнув, когда громко шелкнуло арtritное колено.

Бадж присел на корточки среди гигантских папоротников — с козырька кепки скатились дождевые капли, — аккуратно поддел ножичком крупную лисичку, стер влажные иголки и понюхал гриб. Почти фруктовый аромат, как у абрикоса, слегка пряный. В отличие от ядовитых говорушек, это оказалась настоящая лисичка.

Бадж бережно опустил находку в сумку с жестким дном, надетую поверх люминесцентно-оранжевого жилета. Такер, его белый пойнтер, тоже шеголял в оранжевом жилете, а к ошейнику был прикреплен колокольчик. Конец октября — разгар охотничьего сезона, и Бадж не имел ни малейшего желания, чтобы в чаще наамишского леса его или Така приняли за оленей. Прошлой осенью в нескольких милях к востоку